

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Екатерина
Островская

УКРАДЕННЫЕ
ВОСПОМИНАНИЯ

Екатерина Николаевна Островская

Украденные воспоминания

Серия «Татьяна Устинова рекомендует»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6658233

Екатерина Островская. Украденные воспоминания: Эксмо; Москва;

2014

ISBN 978-5-699-70699-0

Аннотация

Наташа никак не могла преодолеть черную полосу. Потеряв работу, она долго искала новое место и наконец нашла его, но в день собеседования ее обрызгала грязью проезжающая мимо машина... В автомобиле оказался глава того самого фонда, куда Наташа хотела устроиться. И Джон Хадсон не только решил подвезти девушку, но и сразу взял ее на работу. Жизнь постепенно начала налаживаться, когда Наташа получила от босса неожиданное предложение – выйти за него замуж! Подписав брачный контракт, Наташа с Джоном отправились в свадебное путешествие, и тут из России пришло пугающее сообщение: счета фонда арестованы, а все его сотрудники за решеткой. Вскоре их выпустили под подписку о невыезде, однако, едва выйдя на свободу, ее коллеги стали один за другим погибать... Даже в Америке, на родине мужа, Наташа не чувствовала себя в безопасности и знала: ей не будет покоя, пока она

не поймет, зачем на самом деле Хадсону понадобился этот скоропалительный брак...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Екатерина Островская

Украденные воспоминания

Глава 1

Большинство людей всю жизнь занимается самым распространенным видом спорта – бегом за удачей. И очень многие становятся «мастерами спорта» – завоевывают первые места в очередях на увольнение, на выселение, на проигрыши в лотереях, на протечки в квартирах и на разводы. С ними всегда случаются неприятности: у только что купленной обуви отваливается каблук, на них лают самые смирные собаки, даже когда они стоят на месте, новый начальник оказывается хуже предыдущего, по утрам не заводится автомобиль, а у новогоднего шампанского сильный привкус дрожжей.

Наташа Пешкова поняла это случайно, когда спешила на собеседование, которое ей назначили в одной весьма значительной фирме. Месяц назад она осталась без работы: предприятие, на котором трудилась, приказало долго жить. Уволили не только ее, но и всех остальных сотрудников, и некоторые, узнав, что лишаются насиженных мест, в отчаянии унесли с собой рабочую мебель или компьютерные мониторы.

– Хоть какая-то компенсация! – объяснила Наташе ее кол-

лега Илона Харина, пытаясь впихнуть офисное кресло в багажное отделение своего «Тико». – Два года отпахала на этого козла, а теперь меня коленом под зад...

Она посмотрела на Наташу и сделала еще одну попытку, снова безуспешную.

– Ну, что стоишь? Помогай!

Наташа обернулась по сторонам: участвовать в воровстве ей не хотелось. За шторой кабинета генерального директора маячила тень: судя по всему, Марат Артурович наблюдал за ними.

– Григорян смотрит, – шепотом предупредила Наташа коллегу.

– Да пошел он! – отмахнулась та.

Кресло наконец влезло, что очень удивило Илону.

– Надо же! – сказала она и, довольная, улыбнулась. – Завтра еще что-нибудь прихвачу.

– Завтра суббота, – напомнила Наташа.

– Тогда я два раза приеду, возьму еще одно кресло и музыкальный центр из приемной. Я же на этого урода два года, как последняя дура, вкалывала. Как и ты впрочем. Ну ладно, садись в машину, чего тебе на метро трястись.

Илона была девушкой доброй и отзывчивой. Особенно на зов начальства. Она действительно отработала на Григоряна два года офис-менеджером, то бишь секретаршей, и весь коллектив знал о ее особых отношениях с шефом.

Марат Артурович владел финансовой компанией, основ-

ной целью которой было преумножение накоплений григорьевских родственников. Не всех, разумеется, а только тех, у кого накопления имелись. Таковых было не очень много: родной дядя Ашот – сотрудник одного из министерств, его жена Карина – руководитель центра социальной помощи, родной брат Гамлет – заместитель главы администрации одного из городских районов, а также жена брата Анжелика – начальница ПИБа того же района.

Возглавляемая Григоряном финансовая компания была небольшой, но занималась всем, что могло принести доход: скупала ценные бумаги разоряющихся предприятий, в основном акции магазинов, поставляла на российский рынок армянский хрусталь и коньяк, участвовала в долевым строительстве, обменивая украинскую арматуру и китайский цемент на квартиры. Последней крупной сделкой стала покупка участка земли неподалеку от наземного вестибюля одной из станций метро. Землю приобрели и очень быстро перепродали известной компании, которая тут же начала строить на том месте торгово-развлекательный центр. Дядю Ашота после этого торжественно проводили на пенсию, брат Гамлет решил перебраться жить во Францию, и Марату Артуровичу не оставалось ничего другого, как закрыть свою фирму.

Наташе не досталось ничего, даже рабочего стула с матерчатым синим сиденьем. Только запись в трудовой книжке о том, что она три года отработала биржевым аналитиком. Заниматься ей приходилось, разумеется, не биржевыми тор-

гами, а составлением балансовых отчетов, потому что главным бухгалтером компании числилась жена Григоряна, которая в бухгалтерии ничего не понимала и на работу приходила крайне редко. Наташе даже казалось, что Сусанна Арутюновна появлялась в офисе лишь затем, чтобы поболтать с подругами по телефону. Она заходила в кабинет мужа и очень громко с кем-то беседовала. Говорила на армянском, иногда вставляя в свою речь и русские фразы: «Да ты что? Обалдеть можно! Две тыщи евро за короткое платье? Я за полторы купила себе длинное... Ладно, потом перезвоню, я в офисе сейчас – очень много работы...»

Сусанна Арутюновна смотрела на Наташу косо, подозревая, что именно Пешкова является любовницей мужа. Она даже у Илоны этим поинтересовалась. Но та ее разубедила.

– Ни в коем случае, – ответила секретарша Григоряна, – у Наташи есть жених.

Это было неправдой, у Наташи не было ни жениха, ни мужа, ни любовника. Но если кто-то интересовался ее личной жизнью, она кивала: «Имеется, как и у всех». И замолкала, потому что долго врать не могла. Если честно, то и лживая запись в трудовой книжке ее немного смущала. Но лживые записи были у всех сотрудников, а не только у Сусанны Арутюновны. Илона, например, числилась супервайзером по мерчендайзингу.

А потом все рухнуло. Наташа начала искать работу, и это оказалось нелегким делом. Только через месяц поступило

первое стоящее предложение – пройти собеседование в инвестиционном фонде. И вот сейчас, спеша на собеседование, она подумала о том, что все люди гонятся за удачей и не у всех это получается. Так же как некоторые ездят на автомобилях, а другие ходят пешком.

Сияло утреннее солнце, отражаясь ослепительным блеском в оставшихся после ночного ливня лужах. Наташа спешила, задумалась и потеряла бдительность, когда рядом пронесся автомобиль, окатив ее с ног до головы. Вероятно, половина лужи выплеснулась ей на платье, на прическу, на почти новую кожаную сумочку...

Наташа замерла с поднятыми руками, потом наклонила голову, чтобы посмотреть на туфельки, и с головы потекла грязная вода. О собеседовании можно было забыть, а значит, и о новой работе в приличной компании.

Медленно задним ходом подъехал автомобиль. Вероятно, тот самый, который и облил ее грязью. Наташа на всякий случай сделала шаг назад. Дверца автомобиля отворилась и из салона высунулся господин.

– Сорри, – произнес он, – я, кажется, навредил вам немного.

«Иностранец, – догадалась Наташа. – Хорошенькое дело – немного...»

Господин начал рассматривать ее, а потом вышел. Он был высоким, холеным, в дорогом костюме.

– Скажите, куда вам надо, – произнес незнакомец, – мой

водитель вас доставит.

– Не стоит, – ответила Наташа. Но в машину почему-то села и назвала адрес.

– По пути, – усмехнулся водитель.

Босс бросил на него строгий взгляд.

– Это мой шофер вас так... – то ли объяснил, то ли посоветовал господин. И тут же пообещал: – Я его уволю за невнимательность.

– Не надо, – попросила Наташа, – он не хотел.

– Не хотел, – закивал водитель, не оборачиваясь.

«Некоторые разъезжают на автомобилях, – вспомнила Наташа свою последнюю перед неприятностью мысль, – а некоторые ходят пешком, поэтому удачу им не догнать. К тому же фамилия определяет судьбу, а моя фамилия Пешкова».

Автомобиль въехал во двор небольшого офисного здания с синими стеклянными стенами. На крыльце стояли несколько молоденьких нарядно одетых девушек.

– Выходим, – приказал господин, вылезая из салона.

Девушки на крыльце стояли молча и курили. Когда к крыльцу подошла Наташа, они неодобрительно посмотрели на ее мокрые волосы и пятна на платье. И тут же устали улыбаться одинаковыми улыбками, а некоторые даже взмахивать нарощенными ресницами.

– Хеллоу, хеллоу, – посыпалось со всех сторон.

– Гуд дей, – встрял чей-то севший от напряжения голос.

Спутник Наташи открыл дверь и пропустил ее перед собой. Она вошла в холл и увидела еще большую толпу девушек. И только сейчас поняла, что попала именно туда, куда и спешила этим утром, – на собеседование.

Порядок в вестибюле контролировали двое охранников, которые, завидев господина в костюме, тут же организовали коридор, по которому прошла, разумеется, и Наташа. Но возле ступеней лестницы она остановилась.

– Пойдемте, – улыбнулся ей спутник, – ведь вы же наверняка шли ко мне на собеседование.

Кабинет был просторным, светлым и шикарным. На стенах висели фотографии парусников. Господин не стал подходить к столу, а показал Наташе на кресло возле журнального столика:

– Присаживайтесь.

Сам опустился в кресло напротив и опять улыбнулся.

– Я должен как-то загладить свою вину. А потому беру вас на работу не глядя.

И тут же рассмеялся. Потому что на протяжении всего времени их знакомства только и делал, что разглядывал ее.

– Но учтите...

Господин снова стал серьезным.

– Все-таки задам вам несколько вопросов, чтобы определить место в нашем коллективе и то, чем вы будете заниматься.

– Меня зовут Наташа Пешкова, – поспешила представить-

ся она.

– А я – Джон Кеннеди Говард Хадсон. Говард – имя моего отца, который работал в администрации президента и был очень предан ему. Когда Кеннеди застрелили, он решил назвать его именем сына. Я каким-то образом узнал об этом и тут же родился...

Мистер Хадсон весело взглянул на Наташу, очевидно предполагая, что та оценит шутку. Наташа тактично улыбнулась.

– Где вы работали прежде и кем? – спросил мистер Хадсон.

– Биржевым аналитиком в финансовой компании.

– На какой бирже?

– Товарно-сырьевой, – соврала Наташа.

– Угу, – кивнул Джон Кеннеди Хадсон, задумался и тут же спросил: – Скучно, наверное, все это: фьючерсы, опционы, контракты, быки, медведи...

– Мне нравилось, – опять соврала Наташа.

Глава фонда снова задумался. Произнес, не выходя из задумчивости:

– Well, well, well...

И начал рассматривать парусники на стенах. Тут Наташа поняла, что ей сейчас вежливо откажут.

– Как у вас с английским? – спросил мистер Хадсон.

Тогда она перешла на родной для него язык:

– Я окончила специализированную школу. Во время обу-

чения дважды побывала в Англии. Мы жили в семьях, и проблем с общением у меня не имелось. Потом, уже учась в университете, еще раз съездила в Англию. Провела в Лондоне два месяца, исходила весь центр пешком...

– На бирже были? – пошутил мистер Хадсон.

– Хотела пойти, но туда не пускают любопытных.

– Чем занимается ваш отец?

– У него строительный бизнес.

Объяснять, что ее отец занимается ремонтом и отделкой квартир, Наташа не стала.

– Well, – снова произнес американец и перешел на русский.

– Вы говорите по-английски лучше большинства моих сотрудников. Не только русских, кстати. Но у вас очень сильный лондонский акцент, а потому в Нью-Йорке вы все равно будете иностранкой. Но меня это устраивает, я вас беру... Сейчас распоряжусь, чтобы разогнали тех девиц на входе, и приглашу сюда вице-президента фонда, в чьи обязанности входит работа с кадрами. С биржами работать, увы, вам не придется, но обязанности ваши будут не менее ответственны – вам придется заниматься финансовым анализом. Аналитический отдел у нас большой, потому что обороты нашего фонда... – Мистер Хадсон посмотрел на потолок и завершил фразу обтекаемо: – Очень большие. Испытательный срок два месяца. На этот период зарплата две тысячи долларов, а потом, если ваша работа нас будет устраивать, пять тысяч. Если

будет очень устраивать, возможны хорошие премиальные.

Он снова оглядел Наташу.

– Нет, пожалуй, сейчас я никого приглашать не буду. Ступайте домой, приводите себя в порядок. А завтра с утра – милости просим. Только не ходите больше так близко к краю дороги...

Наташа не шла домой, а летела, не веря в удачу. «Так не может быть, так не может быть... – твердила она себе. – Завтра наверняка сообщат, что пришел кто-то более достойный, и мне откажут. Тогда я попрошу любую другую работу, любую должность, лишь бы взяли...»

Она вспоминала офис с мраморными полами, просторный кабинет главы фонда с фотографиями парусных яхт на волнах синих морей. Снимки были прекрасными. И люди, которые наверняка находились на тех яхтах, были счастливы, сидели в своих каютах, поглядывая в иллюминаторы на пробегающие мимо барашки изумрудных волн. Наташа вспомнила американца со странным именем Джон Кеннеди и нашла его вполне обаятельным. Подумала, что ему, вероятно, лет сорок, может быть, сорок пять, то есть он уже не молод, но выглядит просто замечательно – спортивная фигура, загар и ослепительная улыбка. Уж наверняка его жена не приходит в его кабинет и не болтает по три часа с подругами на пределе голосовых возможностей.... Интересно, а кто у него жена?

Джон Кеннеди Говард Хадсон, как выяснилось очень скоро, оказался неженатым. Любовницы у него вроде тоже не было. И служебными романами он, похоже, не увлекался. Русские сотрудники фонда называли его Джон Говардович, хотя сам мистер Хадсон просил обращаться к нему просто по имени – Джон, потому что обращение вроде «Джон Кеннеди» или «мистер Джон Кеннеди» было бы не очень уместным. Глава фонда вообще любил пошутить. Он даже знал, что некоторые работники промеж себя называют его «мистером Гадсоном», и смеялся. А иногда говорил о себе так в третьем лице. Мог, например, позвонить Наташе на мобильный вечером и сказать:

– Наташенька, завтра с утра мистер Гадсон ждет вас у себя в кабинете с отчетом о рентабельности наших пакетов акций госкорпораций.

После чего интересовался ее настроением и здоровьем родителей. Она думала, что в американских фирмах так принято, и это нравилось ей.

К тому же, после того как закончился ее испытательный срок, мистер Хадсон лично вручил ей конверт с премией. Заглянула в него, выйдя в коридор, и обнаружила внутри ровно четыре тысячи долларов, то есть стопроцентную премию. Это очень обрадовало. А затем должностной оклад ей определили не пять тысяч, а семь. Значит, через год ей удастся купить небольшую квартирку. О собственной жилплощади она давно мечтала. Конечно, оплатить ее полностью все рав-

но не получится, придется взять кредит, но совсем небольшой, за следующий год можно будет рассчитаться и с ипотекой.

Мечта о квартире крепла, и Наташа стала уже подумывать, что, вероятно, стоило бы уже сейчас начать подыскивать варианты: премии случались часто – раз в месяц, а потом уж и к Рождеству. На новогоднем корпоративе Джон усадил Наташу рядом с собой и весь вечер ухаживал за ней, приглашал танцевать и спрашивал, как здоровье мамы и как продвигается бизнес отца...

Уже после праздников в столовой офиса за Наташин столик под села Марина Степановна из отдела аудита. И почти сразу шепотом объявила: все уже в курсе, что мистер Гадсон положил на Наташу глаз.

– Вы так решили, потому что на корпоративе шеф уделил мне столько времени? Просто он очень внимательный! – попыталась отговориться Наташа.

– Однако со мной, например, наш мистер Гадсон не считает нужным лишний раз поздороваться.

Почему с ней надо здороваться лишний раз, аудиторша не объяснила. Зато сказала:

– Глава фонда, конечно, завидная партия, но ты очень нравишься Максиму. Так что подумай и сделай правильный выбор.

Максим Грановский был начальником Марины Степановны. Ему было тридцать пять лет, он был разведен, привет-

лив и выдержан. От него всегда пахло хорошим парфюмом, а ногти его были обработаны профессионально.

– Я думаю, вы заблуждаетесь по поводу Джона и Максима, – покачала головой Наташа. – Что во мне такого?

– Ладно, не прикидывайся. Ты – девка красивая, и у тебя никого нет. Скажи спасибо, что они оба – с чистыми намерениями. Максим, кстати, просил меня узнать, как ты к нему относишься. Только это между нами.

– Я отношусь к нему очень хорошо, – ответила Наташа. – Но не настолько, конечно, чтобы согласиться на служебный роман.

– Ты что, дурочка совсем? – удивилась Марина Степановна. – Какой еще служебный роман? Максим Леонидович хочет сделать тебе предложение. Не сразу, разумеется, а сначала поухаживает: в клуб тебя сводит, в театры... Как принято, так и будет. Потом ты познакомишь его со своими родителями.

– Со своими родителями я могу и вас познакомить, а вот насчет замужества...

– Ты, главное, подумай, – шепнула аудиторша. – Максим все знает про Гадсона, что тот к тебе тоже неровно дышит. Грановский – не дурак и прекрасно понимает, что в случае чего его могут попросить отсюда... Ну, если ты согласишься за него выйти, а Гадсон обидится. Но у Максима Леонидовича есть и своя собственная фирма – не такая, как этот фонд, разумеется, но очень прилично стоящая на ногах. Он

там не работает, разумеется, но он единственный владелец и взял на работу хороших менеджеров. Ты подумай...

Наташа не собиралась ни о чем подобном думать. Мало ли что кому показалось? Потом, она, может быть, и хотела бы замуж, но – по любви. Конечно, и Максим Леонидович, и Джон Говардович – люди приятные и обходительные, с ними приятно беседовать, но в качестве супруга Наташа не могла представить себе никого из них. Мужа, как ей казалось, надо в первую очередь любить, а потом уж уважать. Хотя как это совмещается, она не знала.

В ее жизни были, разумеется, мужчины – двое, за которых Наташа собиралась замуж. Первый был сокурсником и передумал жениться в самый последний момент, когда они уже направились подавать заявление. А второй – коллега по работе. Тот был женат, но с женой не жил вместе и обещал развестись, вот только постоянно находил причину не подать заявление о разводе.

Об их романе знали на службе все, поэтому Наташе пришлось уйти и устроиться в финансовую компанию Григоряна. Со своим возлюбленным она встречалась теперь только дома. Вернее, в съемной однокомнатной квартирке. Убегала с работы, носилась по магазинам и спешила туда. Прежде-то они отправлялись вдвоем. Ехали в его машине, в салоне играла музыка, текла легкая беседа о чем-то, и Наташе казалось, что она влюблена.

Ее избранник был мужественным и малоулыбчивым. Но

очень скоро после перемены места работы все изменилось. Приходя в ту квартиру, она уже не заставляла его там. Любимый приходил поздно, придумывал всякие нелепые оправдания, и от него пахло вином, что было самым неприятным. Однажды Наташа сказала, что не может сидеть вечерами, дожидаясь его.

– Не можешь, и не надо, – ответил Малоулыбчивый и Мужественный.

Она тут же ушла. Любимый мужчина смотрел, как она собирает вещи, не пытался ее задержать, а потом и вовсе уселся перед телевизором, на экране которого два накачанных американца дубасили друг друга. Наташа ушла тогда, уверенная, что Малоулыбчивый и Мужественный завтра же примчится за ней, попросит прощения. Но тот даже не позвонил. С тех пор она решила малоулыбчивым не доверять. Понимала прекрасно, что это полная чушь, но ничего не могла с собой поделать: опыт есть опыт, сын ошибок трудных.

Джон Кеннеди Говард Хадсон улыбался часто и ослепительно, а Грановский чаще всего молчал. Оставаясь с Наташей на не очень продолжительное время наедине, Максим Леонидович еще пытался разговаривать на разные экономические темы, а вот в присутствии других сотрудников фонда на все ее вопросы только кивал или качал головой, словно хранил какую-то огромную тайну фирмы и боялся ненароком проговориться.

Тайна у фирмы была одна – многомиллиардные оборо-

ты. И прибыль, соответственно, такая же. Большую часть прибыли иностранные владельцы уводили на Запад, а то, что оставалось, снова шло в дело. Конечно же, огромная часть средств, находившихся в обороте, принадлежала западным инвесторам, но помимо ее на счета фонда были зачислены деньги различных российских бюджетных и коммерческих организаций, например пенсионных негосударственных фондов, рассчитывающих на высокий процент от своих инвестиций. А какова была прибыль самого предприятия, наверняка знали лишь несколько человек – в том числе и Грановский, разумеется.

Наташа этим вопросом интересовалась мало – знала то, что ей положено было знать, а в другие дела старалась носа не совать. Она больше думала о собственной квартире, о том, как будет обустраивать ее, какую мебель купит. Думала: «Через год я буду жить самостоятельно. Тогда у меня будет настоящая личная жизнь, и наверняка удастся познакомиться с настоящим, очень порядочным и добрым человеком. Желательно, разумеется, чтобы тот оказался молодым и красивым...»

Иногда, правда, ей звонила домой Марина Степановна с единственной целью помочь образумиться.

– Ты подумай, – шептала аудиторша в трубку, – реши для себя главное и сделай правильный выбор. Никто тебя не осудит, конечно, но хватит мечтать о журавлях в небе, когда синица у тебя в кулаке. А Максим Леонидович, как ты пони-

маешь, даже и не синица – он далеко пойдёт. Его в минфин давно уже зовут, Грановский же предпочитает трудиться в нашем фонде...

Однажды вечером, ложась в постель, Наташа подумала: «Хорошо бы проснуться, открыть глаза и увидеть, что ты в своей собственной квартире. За это можно отдать полгода жизни. Нет, лучше никому ничего не отдавать. Просто проснуться и увидеть за огромным окном лес или парк, над которым летают птицы, а рядом красивого и обаятельного мужчину. Нет, за такое стоит отдать полгода... пожалуй, даже год жизни».

Глава 2

Ровно через год Наташа проснулась и посмотрела на Центральный парк, на желтые и красные верхушки кленов, над которыми кружила стая голубей. Дверь ее спальни стояла приоткрытой, слышно было, как Джон негромко разговаривает с кем-то по телефону. Наташа не хотела вслушиваться, но все же до нее донеслось:

– Ты точно знаешь? Значит, все-таки Иван. Мы так и предполагали. Я всегда подозревал, что тот прекрасно владеет английским. Не случайно же он так старательно прикидывался глухим деревенским дурачком, контуженным в Чечне. Значит, нужную нам информацию русские через него все-таки получили...

Наташа поднялась, накинула на плечи халатик и подошла к окну. Небо было чистым и – чужим. Неужели все вот это – мечта многих? Мягкий ковер под ногами, интерьер спальни и мебель, стилизованные под времена Людовика Шестнадцатого... А на стене картина Ватто, вывезенная Джоном из России. Он отдал за нее восемьдесят тысяч, а по приезде показал специалистам, которые назвали аукционную цену – полтора миллиона. Но Джон не собирается ее продавать, это его подарок Наташе.

...Перед Первым мая весь коллектив собрался за накрытыми столами в столовой офиса. Три десятка человек, из ко-

торых пятеро американцы и один англичанин, имеющий еще и израильский паспорт – он занимался обеспечением безопасности предприятия. Произносились тосты и речи. Русские пили за день международной солидарности трудящихся, американцы – за день благословения велосипедов, который в Штатах отмечают как раз первого мая, а начальник службы безопасности слушал всех внимательно, поскольку был непьющий. Мистер Хадсон опять усадил Наташу рядом с собой. Он снова ухаживал за ней – наполнял бокал шампанским и шептал комплименты. Шепот был громкий, и Грановский, сидевший через два человека от Наташи, наверняка его слова слышал. Но Максим Леонидович виду не подавал и даже улыбался руководству приветливо и скромно.

Мистер Хадсон вызвался довести Наташу до дому. Он опустился рядом с ней на заднее сиденье. В салоне «Мерседеса» было свежо, пахло зелеными яблоками, за окном проносился в прошлое последний день апреля, из динамиков лился голос Барбары Стрейзанд.

– Love is the moment in space...

– Иван, сделай музыку погромче! – приказал Джон.

Но водитель не пошевелился.

– Он же глухой, – почему-то шепотом напомнила Наташа.

Вообще-то все в офисе знали, что новый водитель президента фонда – бывший сержант, контуженный в Чечне. Комиссованный Иван вернулся на второй курс Политехнического, но учиться уже не смог.

Прежнего водителя мистер Хадсон уволил непонятно за что. Наташе он, правда, объяснил с улыбкой, будто бы наказал его за тот случай с лужей. Но, судя по всему, причина была другая – прежний шофер был красив и элегантен.

– Мне нравится Барбара Стрейзанд, – объяснил Джон.

– Мне тоже, – призналась Наташа.

– Вообще мне по сердцу талантливые и увлеченные женщины, – продолжил мистер Хадсон. – С ними приятно общаться: они не ощущают себя униженными, не потому, что феминистки, а оттого только, что знают себе цену. И цену своего таланта, трудолюбия. Я всегда думал, что если женюсь когда-нибудь, то только на такой.

– Пока ждали, Барбара Стрейзанд уже успела состариться, – улыбнулась Наташа.

– Это так, – подтвердил Джон.

И без всякой паузы перешел на английский.

– Мне кажется... может быть... я даже уверен, что сейчас встретил такую женщину. Это вы, Наташа.

– Вы произнесли слова «может быть», – вздохнула она, – а значит, уверенности-то у вас нет.

– Нет, я уверен в этом более, чем в том, что именно Колумб открыл Америку. И вообще, все, что я знаю теперь, ничтожно мало по сравнению с ощущением того, что я впервые в жизни полюбил. Полюбил ту, о ком мечтал долгие годы. Вы не откажете, если я вам сделаю предложение?

Наташа растерялась. И смогла лишь оттянуть время:

– Мне кажется, вы таким образом уже делаете мне предложение.

– Именно, – подтвердил мистер Хадсон, – здесь и сейчас я прошу вашей руки.

Теперь до нее дошло все-таки, что происходит. После телефонного разговора с Мариной Степановной Наташа была готова ко всему: к проявлению особого внимания, к приглашению посетить ресторан или какую-нибудь вечеринку в посольстве, но чтобы так запросто, в машине...

– Я должна подумать, – произнесла она тихо, – все так неожиданно.

– Конечно, – согласился Джон, – подумайте, вспомните, как вы ко мне относитесь. Если я противен вам, то можете отказать...

– Нет, конечно... – попыталась успокоить его Наташа.

– Нет – это отказ? – выдохнул глава фонда.

– Что вы! – испугалась Наташа, видя его лицо. – Это совсем не отказ, я не собиралась вам сейчас отказывать.

– Уф... – выдохнул мистер Хадсон. И снова перешел на русский: – Вот и славненько!

Он полез в карман и достал из него небольшую коробочку.

– Целый день таскаю ее с собой. У нас так принято на помолвку...

Джон протянул коробочку Наташе. Она уже знала, что в ней лежит, хотела отказаться, но – взяла. Пришлось открыть. Внутри было кольцо с крупным розовым камнем.

– Какая красота! – вырвалось невольно. Почему-то шепотом.

Подняла глаза на мистера Хадсона, а тот уже подставлял щеку для поцелуя.

Она вошла в квартиру, прошагала на кухню и увидела родителей. Мать резала колбасу для оливье, а папа крутил ручку мясорубки.

– Что такая красная? – крикнул отец.

– От шампанского, вероятно, – ответила Наташа, – мы на работе праздник отметили.

Конечно, это от шампанского, иначе Джон не застал бы ее врасплох. А теперь, когда она приняла его кольцо, вероятно, уже поздно отказываться. Хотя кто знает? И вообще, любит ли она мистера Хадсона? Понятно, что не любит. Но Джон ей не противен, даже наоборот, бывают моменты, что нравится, – когда она смотрит, как тот двигается, как при встрече с мужчинами протягивает руку для рукопожатия... это выглядит так по-мужски и так одновременно грациозно. Но если она ему откажет, вдруг никто и никогда больше не сделает ей предложения? Тогда Наташа на всю жизнь останется одна, превратится в злобную и вечно чем-то недовольную старую деву, и все будут знать, что она старая дева, и судачить на сей счет. К тому же мистер Хадсон богат. Вероятно, даже очень богат. У него в собственности треть акций фонда «Рашен райз», и, значит, его ежегодный доход сотня-другая

миллионов долларов. А это уже серьезно.

Она зашла в свою комнатку и снова открыла коробочку с кольцом. Посмотрела, как переливаются в камне огоньки – отблеск потолочной люстры, и вздохнула. Замуж, конечно, хочется, но...

Наташа так и не поняла, что означает ее мысленное «но». Решила рассказать все родителям. И если они не будут отговаривать, то тогда предложение она примет.

Мама резала на кубики вареную картошку, а отец мыл мясорубку.

Наташа села за стол и спросила:

– Помощь нужна?

– Мы уже заканчиваем, – ответила мама. Посмотрела на дочь внимательно и спросила негромко: – У тебя что-то произошло?

Наташа вздохнула и призналась:

– Мне сегодня предложение сделали.

– Какое? – не поняла мама. – Повышение предлагают?

– Ее замуж позвали, – догадался отец.

Он вытирал полотенцем руки и тоже смотрел на Наташу.

– Правда, что ли? – не поверила мама.

Дочь кивнула и поставила на стол коробочку. Открыла, подвинула ближе к маме.

– Прелесть какая! – восхитилась та. – А что это за камень?

– Розовый бриллиант, три карата. На свадьбу Джон обещал подарить еще больше.

– Джон? – не поняла мама. – Он что...

– Не что, а кто, – поправил отец. – Американец, видать.

Он посмотрел на дочь.

– С тобой вместе в фонде работает?

– Да, первое лицо. А ты против того, чтобы я выходила замуж за американца?

– Мне-то что, – пожал плечами отец, – мне главное, чтобы ты была счастлива. Но лично я замуж за иностранца не пошел бы.

– А тебе никто и не предлагает, – хмыкнула мама.

– Откуда ты знаешь? Может, я с тобой не всем делюсь, чтобы не травмировать твою психику.

Но мама уже не слушала мужа, а смотрела на дочь.

– Ты-то сама как к нему? У вас уже что-то...

Она обернулась к отцу.

– Ну, что встал здесь? Иди поделай что-нибудь, нам поговорить надо.

– Да я вроде тоже не посторонний. Может, и мне интересно узнать, за кого не чужая мне дочь замуж идет.

– Ничего у нас не было, – призналась Наташа, – Джон подвозил меня до дома и в машине сделал предложение.

– В машине в самый раз, – кивнул отец. – А вот в метро или в трамвае было бы неудобно, особенно в часы пик, когда ты возле одной двери, а жених у другой. Или вообще на платформе остался без ботинка и с оторванными пуговицами.

Отец ухаживал за мамой почти три года. Та была студенткой, а он реставратором – работал в Царском Селе. Заканчивал поздно и ехал к ее дому, чтобы только увидеть. Стоял под окнами, надеясь, что она выглянет. Если это происходило, то махал рукой, садился за руль и уезжал. А будущая жена, даже зная, что ухажер внизу, не спешила выглядывать, а уж тем более спускаться во двор. И вообще, за ней ухаживали и другие. Особенно был настойчив один из сокурсников – мастер спорта по бадминтону, высокий и стройный. Парень провожал ее домой и каждый раз лез целоваться. Однажды бадминтонист столкнулся с молодым реставратором, о котором был наслышан. Уверенный в своей физической подготовке, спортсмен полез драться и – получил очень даже неплохо. Мама рассказывала Наташе, что испугалась тогда, а главное, сразу поняла, за кого так волнуется. Будущий муж уложил соперника двумя ударами, причем по лицу не бил, хотя и предупредил, что в следующий раз все будет по-настоящему. После того случая бадминтонист как-то сам собой улетучился.

Предложение отец сделал утром того дня, когда объявили о смерти Брежнева. Вся страна напряглась в испуганном ожидании – что же дальше, как жить без мудрого руководства? А отец приехал и позвонил в дверь. Будущая жена выскочила на площадку, и реставратор пригласил ее в кафе. Там было пустынно и тихо, потому что запретили исполнять в общественных местах и передавать по радио эстрадную му-

зыку. Отец взял бутылку шампанского. Буфетчица посмотрела на него косо и, несмотря на пустой зал, шепотом попросила не радоваться громко. И сама же испугалась своих слов. Пробка вылетела из горлышка почти беззвучно, и, разливая вино по бокалам, отец сказал:

– Кончится траур, поедem подавать заявление.

Ночью мать проскользнула в комнату Наташи.

– Заснуть не могу, – объяснила она, – все думаю, что будет, если ты уедешь туда жить.

– Станем летать друг к другу в гости.

Мать вздохнула и спросила:

– Ты хоть его любишь?

– Не знаю, – солгала Наташа. – Но за семь месяцев нашего знакомства он не совершил ничего такого, что вызывало бы у меня отвращение.

– Главное, чтобы не пил. – Опять вздохнула. – А все остальное можно стерпеть.

Джон Кеннеди Говард Хадсон даже на своей свадьбе выпил всего-навсего бокал шампанского. Когда гости орали «горько!», он целовал невесту осторожно, хотя и достаточно умело. Зал ресторана, рассчитанный на две с половиной сотни человек, едва ли был заполнен на треть: коллектив фонда в полном составе, несколько подруг Наташи по институту и школе, все с мужьями, разумеется. Присутствовали и де-

сятка полтора сотрудников американского консульства, все в почти одинаковых серых костюмах и с голубыми галстуками.

Мама улыбалась и плакала, а вот отец сидел растерянный: накануне свадьбы Джон подарил будущему тестю внедорожник «Додж». Наташа смотрела на родителей, и ей было жалко их: маме уже за пятьдесят, отец старше ее на пять лет, но что они видели в жизни? Самая большая радость за годы супружества – получение квартиры, если не считать рождения дочери. Квартира небольшая, двухкомнатная, типовая. Отец, правда, постоянно что-то делал в ней, как мог, улучшал. Например, заменил обычные створки на старинные дубовые, те были приготовлены на выброс в одном из особняков, который ремонтировала его бригада. Он отреставрировал их, и теперь это не двери, а произведение искусства. Так же как и ореховые стеновые панели. Откуда-то отец притаскивал разбитую старинную мебель и долго возился с ней – в квартире вечно стоял невыветриваемый запах морилки, лака, старого дерева. Наташа так привыкла к нему, что этот «аромат» казался ей родным и приятным.

Когда Джон пришел знакомиться с родителями невесты, по его лицу было видно, как он удивился. Мистер Хадсон посмотрел на резную раму зеркала в прихожей, потрогал бронзовые ручки дверей и произнес:

– Станный вы народ, русские. Здесь отделка стоит, как вторая квартира, причем куда больших размеров.

А Наташе казался странным сам жених. И с каждым днем сближения с ним она все больше и больше не могла понять этого человека. Правда, и близости как таковой не было. Через неделю после того, как Джон сделал ей предложение, они отправились поужинать в ресторан, где сидели за столиком на двоих в углу зала. Благоухал огромный букет алых роз, радостно потрескивали свечи в бронзовом канделябре, а скрипач весь вечер исполнял им итальянские мелодии. Наташа не сомневалась, что после ужина Джон пригласит ее к себе. Так и случилось.

Когда выходили из зала, мистер Хадсон сказал как бы между прочим:

– Сейчас заедем ко мне: посмотришь, как я устроился в России и где тебе придется жить.

Она, конечно, изобразила радость, а сама подумала: сегодня случится то, что должно рано или поздно произойти. Мысленно Наташа уже была готова ко всему и поняла, что это произойдет именно сегодня, в тот момент, когда услышала приглашение на ужин.

Жил Джон неподалеку от ресторана, в старом доме на Итальянской. Перед входом раскинулась охраняемая парковка, на которой сверкали боками дорогие автомобили. На лифте поднялись на последний этаж, где была лишь одна дверь. Хозяин пропустил ее внутрь в темноту, вошел следом и включил свет. Наташа увидела просторный холл с мягкими диванами и креслами, барную стойку, большие наполь-

ные часы в ореховом корпусе и несколько картин на стенах.

– Вот так скромненько я и живу, – прозвучал за ее спиной голос Джона. – Никакого антиквариата, если не считать часов и полотна Ватто, которое я приобрел тебе в подарок. Представляешь, старушка, владелица картины, попросила за нее всего сто тысяч, а я еще и поторговался немного. Сделку мне Максим Грановский устроил: старушка уже чуть не при смерти, какая-то подруга его бабушки.

Наташа подошла к стене. На полотне были изображены куртуазный кавалер с дамой на фоне лиственного леса. Дама полулежала на траве, подставляя кавалеру шею для поцелуя, кавалер склонился над ней, держа в руке бокал с шампанским. Неподалеку маленькая собачка лаяла на птичек, а за кустами отгоняли хвостами мух две оседланные лошади. Картина Наташе не понравилась, но все равно она сказала:

– Мне всегда был интересен Ватто, спасибо тебе, Джон, за подарок.

Она поцеловала мистера Хадсона, и тот ответил ей. Потом провел гостью по квартире, демонстрируя две спальни, гардеробную и кухню. Из бара под стойкой достал бутылку шампанского и спросил:

– Не желаешь?

Она подумала и покачала головой, посчитав, что согласие выпить Джон сочтет за оттяжку времени, за ее нежелание идти в спальню прямо сразу.

Мистер Хадсон кивнул и произнес:

– Возможно, ты права. Завтра с утра заседание совета директоров, и надо выспаться хорошенько, быть в форме. С утра следует еще раз просмотреть все документы. Кстати, я хочу, чтобы ты тоже присутствовала на совещании: будут рассматриваться вопросы, которые касаются и твоей компетенции. А потому водитель отвезет тебя сейчас домой, а утром заберет, как обычно.

На том знакомство с квартирой закончилось. Наташа возвращалась домой, не расстроенная, а несколько обескураженная – мистер Хадсон повел себя более чем странно. Но потом решила, что он так воспитан или просто хочет понравиться ей лишний раз своим благородством.

До свадьбы так ничего и не случилось. Вероятно, Джон решил отложить сие событие на брачную ночь. А потому и выпил за столом всего один бокал шампанского.

Подвыпившие гости вопили «Горько!», мистер Хадсон улыбался им. И, помогая Наташе подняться для поцелуя, шепнул ей на ухо на английском:

– Скорее бы это все закончилось.

Потом начались танцы. Первый танец, конечно, танцевали жених с невестой. И Наташа удивилась мастерству, с которым Джон кружил ее по залу.

– Ты занимался танцами? – поинтересовалась она.

– Совсем немного. Несколько уроков вальса, танго и сальсы. И то лишь для того, чтобы не сидеть сиднем на подобно-

го рода мероприятиях.

– А мне показалось, что у тебя серьезная подготовка...

Мистер Хадсон не успел ничего ответить, потому что к его молодой жене под села ее изрядно подвыпившая школьная подруга.

– Наташка, – закричала она, пытаясь перекричать музыку, – у тебя талия сколько сантиметров? А то я смотрю, смотрю и не могу понять. У меня такая, наверное, только в седьмом классе была. Ты вообще как рожать собираешься?

Наташа не успела ничего ответить, потому что подруга полезла уже обнимать жениха.

– Джон, ты в каком городе живешь? Санта-Барбара далеко от вас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.